

Biblioteka
U. M. K.
Сибирь

316984

Сибирь

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ю. Мархлевский

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОЛЬШЕ

Знание — сила.
№ 2033

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ◊ 1920

Отпечатано в количестве 50000 экз.

316984

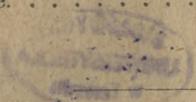
3-я ГОСУДАРСТВЕННАЯ типография (бывш. Кушнерева) Пименовская.
МОСКВА — 1920.

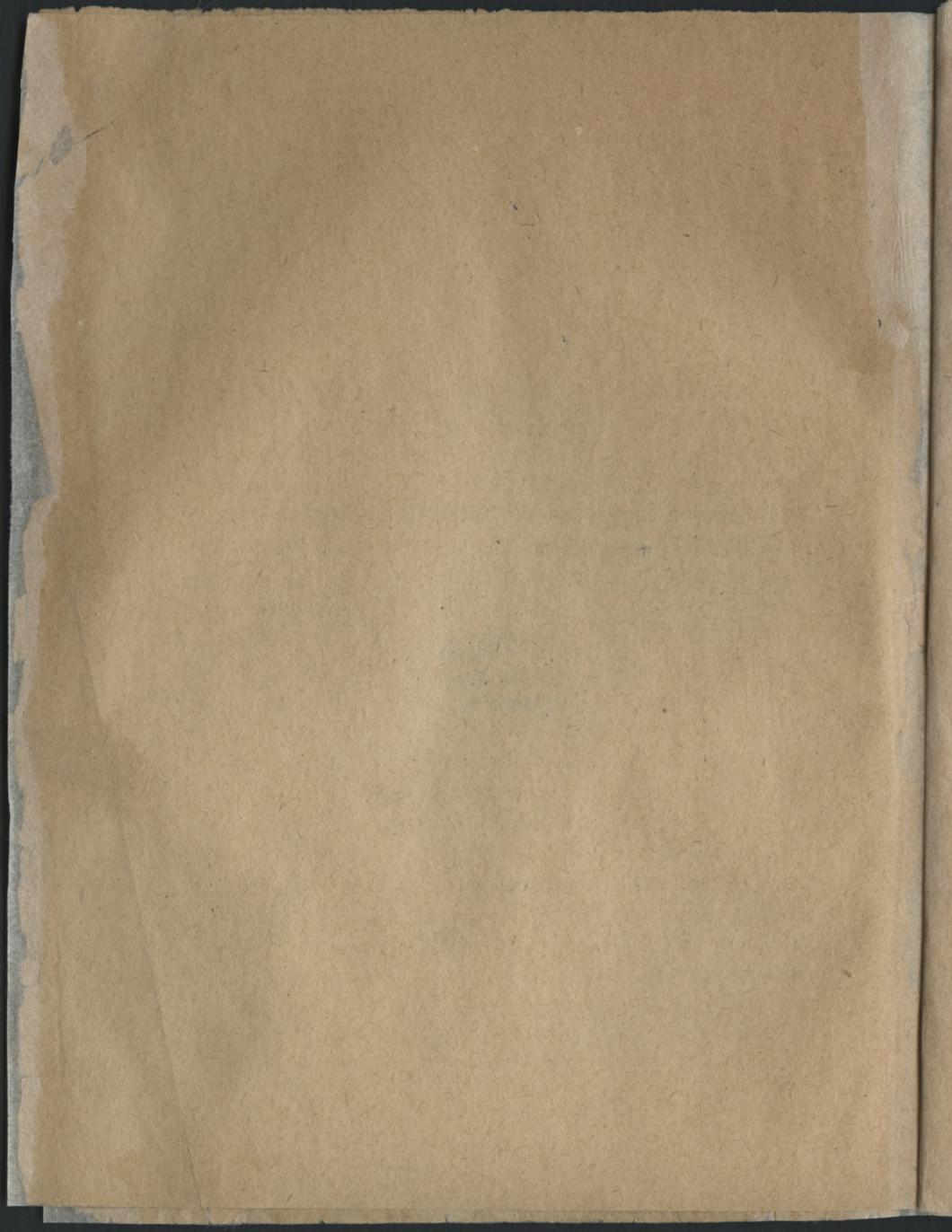
W 17991/60

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
1. Землевание и сельское хозяйство в Польше	3
2. Польская промышленность	11
3. Еврейский вопрос	24
Заключение	27

1. Землевладение и сельское хозяйство в Польше ¹⁾).

Если рассматривать коренные польские области, которые вошли в состав нового государства — пока без Верхней Силезии, — то новая Польша является страной преимущественно земледельческой. Правда, не в такой степени, как, напр., Россия, Болгария или Сербия, но все же в большей степени, чем государства Запада.

Вот несколько цифр для характеристики: в бывшем Царстве Польском заняты сельским хозяйством 57% всего населения, а 43% заняты промышленностью, торговлей и другими отраслями труда. В той части, которая была под владычеством Пруссии, эти цифры 43% и 54%, в Галиции 69% и 31%. В общем, приблизительно половина населения Польши живет земледельческим трудом. Если сравнить с Россией, то здесь почти $\frac{4}{5}$ живет земледелием и только $\frac{1}{5}$ другими отраслями. В Германии наоборот: только $\frac{1}{2}$ населения живет земледельческим трудом, а в Англии

---

¹⁾ Лекция, читанная в мае месяце на собрании военных организаций.

даже только 12%. Значит, Польша занимает среднее положение.

Для определения социальных отношений одним из важных факторов является владение землей. В этом отношении Польша отличается тем, что помещики владеют очень значительной частью земли. В бывшем Царстве Польском помещикам принадлежало около 40% земли, крестьянам 60%, в Галиции соотношение выражается цифрами 35% и 65%, а в Познани 45% и 55%.

Но важно не только владение, а также форма хозяйства. В этом отношении между Великороссией и Польшей имеется большая разница. Дело в том, что великорусские помещики были в значительной степени исключительно туземным классом: они владели громадными поместьями, но по большей части хозяйства на своей земле не вели, а отдавали ее в аренду крестьянам. Польские же помещики, наоборот, только в редких случаях дают землю в аренду крестьянам, а нормой можно считать, что помещик является предпринимателем, который ведет хозяйство в крупных размерах, пользуясь наемным (батрацким) трудом. Это — капиталистическое хозяйство в применении к земледелию.

Нет сомнения, что эта форма хозяйства ведет к высшему, по сравнению с крестьянским земледелием, развитию. Помещик-капиталист в состоянии применять усовершенствованные машины, вводить мелиорации, которые очень часто дают удивительные ре-

зультаты (напр., так называем. „дренаж“, т.-е. проведение под поверхностью земли системы труб для регулирования влаги почвы, широко применяется в Польше на помещичьих землях и ведет часто к увеличению урожая вдвое).

Если теперь посмотрим на положение крестьян, то бросается в глаза малоземелье. Возьмем цифры, касающиеся крестьянских хозяйств в бывшем Царстве.

В 1904 г. насчитывали 1.013.700 крестьянских хозяйств. Из них имели участки

меньше	1 $\frac{1}{2}$ десятины ¹⁾	205.800 хозяйств
от 1 $\frac{1}{2}$ до 6	”	486.300 ”
” 6 до 10	”	186.000 ”
выше	10	135.000 ”

По русским понятиям „хозяйства“ в 1 $\frac{1}{2}$ десятины, конечно, являются совершенно невозможными: как же может крестьянская семья существовать на таком участке?! Она, конечно, не могла бы просуществовать плодами своего хозяйства и в Польше. Но дело в том, что эти малоземельные крестьяне в Польше живут главным образом на заработки в помещичьих хозяйствах. Они являются полупролетариями. Участок земли в 1 $\frac{1}{2}$ десятины и того меньше позволяет крестьянину разводить картофель и капусту для

---

¹⁾ В Польше обычной мерой поверхности земли является не десятина, а „морг“, равный $\frac{1}{2}$ десятины приблизительно. Надельные земли крестьян не позволяли делить на участки меньше 3 моргов; оттого и получается в статистике эта странная категория 1 $\frac{1}{2}$ десятины.

своей семьи и несколько хлеба. Но ему придется покупать хлеб на заработанные у помещика деньги.

Но и участок земли от $1\frac{1}{2}$ до 6 десятин по русским условиям пропитать крестьянской семьи не сможет. В Польше это не совсем так. Дело в том, что польские крестьяне ведут хозяйство гораздо более интенсивное, чем русские. Трехпольное хозяйство брошено, земля не лежит под паром. Обработка земли чрезвычайно тщательна, удобрения употребляются везде. В результате урожай с десятины на крестьянских землях в Польше в $2\frac{1}{2}$ раза превышает урожай в Великороссии, и потому на пяти—шести десятинах крестьянская семья просуществовать может. Именно потому в нашей таблице и фигурирует норма в 6 десятин: хозяйства, которые имеют участки земли выше этой нормы, считаются обеспеченными; те, у которых земли меньше этой нормы, должны считаться мало-земельными, необеспечены; владельцы их принуждены искать заработка.

Хозяйства, у которых земли больше 10 десятин, обыкновенно в виду интенсивности обработки уже не справляются трудом крестьянской семьи; тем уже приходится держать наемного работника.

Картина получается такая: из миллиона слишком крестьянских хозяйств в Царстве Польском меньше чем $\frac{1}{3}$ обеспечены землей; $\frac{2}{3}$ же хозяйств страдают малоземельем, причем значительная часть этих хозяйств является для владельцев, полу-

пролетариев, лишь незначительной подмогой.

Кроме крестьян имеется очень крупное число безземельного сельского населения. Это—батраки, работающие в помещичьих хозяйствах. Их насчитывали в б. Царстве Польском до 2 миллионов (считать рабочих вместе с семьями).

Таким образом социальные отношения среди сельского населения бывш. Царства Польского рисуются приблизительно в таком виде: около 7.500 помещиков-капиталистов владеют 40% всей земли; на них работают батраки пролетарские и полупролетарские, которые составляют больше четвертой части всего сельского населения. Крестьянам принадлежит 60% земли, но почти половина этих крестьян просуществовать на своей земле не может; они являются полупролетариями, которые продают свою рабочую силу помещикам.

В других частях Польши соотношение социальных групп одинаковое.

Сравним теперь положение в России и Польше с точки зрения революционного соотношения сил. В России крестьяне воспользовались победой пролетариата над самодержавием. Громадное большинство этих крестьян чувствовало непосредственный гнет помещиков, которые эксплуатировали их жестоко, требуя непомерно высокой арендной платы за землю, без которой крестьяне существовать не могли. Крестьяне захватили помещичью землю. Переворота в земледельческом производстве от этого не получилось. Правда, были разгромлены и ограблены имения. Но

имений, в которых велось крупное хозяйство, было немного в Великороссии, и потому переворот сводился, главным образом, к тому, что крестьяне завладели землей, которую они и раньше обрабатывали, но теперь уже не платят с этой земли арендной платы. После победы пролетарской революции Советской власти пришлось стать на защиту деревенской бедноты и трудового крестьянства против кулаков, и кулаки вели сознательную контр-революционную борьбу против пролетариата.

В Польше дело обстоит иначе. Сельский пролетариат здесь составляет по числу серьезную силу и ведет активную борьбу против помещиков. Особенно в последние годы, во время войны, эта борьба обострилась чрезвычайно. Немалую роль тут сыграли фабричные и заводские рабочие: когда немцы во время оккупации разрушили промышленность, то многие тысячи рабочих-социалистов ушли в деревню. Они повели усердную агитацию среди батраков и крестьян-полупролетариев. Началось стачечное движение громадных размеров, и революционное настроение среди деревенских рабочих масс быстро растет. Можно не только надеяться, но можно быть вполне уверенным, что в тот момент, когда революционный пролетариат городов Польши начнет решающий бой с капиталистическим государством, плечом к нему станет и сельский пролетариат.

На какую позицию станут крестьяне? Нет сомнения,

что крестьяне, обеспеченные землей в Польше, являются, как впрочем во всей Западной Европе,—элементом реакционным. Они являются фанатиками собственности. С помещиками они не в ладах и поживиться землей на их счет они не прочь. Но пролетариев они ненавидят и боятся и потому легко могут пойти против революции.

Но и по отношению к помещичьим землям вопрос в Польше необходимо поставить иначе, чем он ставился в России. Дело прежде всего в том, что сельский пролетариат, который, как было сказано, является активной революционной силой, не согласен на раздел. Это польские рабочие прекрасно знают, что земли в Польше не хватает для всего сельского населения. Получить крохотный надел в каких-нибудь три десятины не является заманчивой целью, так как рабочий на опыте знает, что такой мелкий собственник живет ничуть не лучше, а, наоборот, хуже рабочего ¹⁾. Но, кроме того, рабочие чувствуют, что

---

¹⁾ Интересно, что научное исследование вполне подтверждает это наблюдение. В Польше преобладают среди сельских рабочих т. н. „ординарцы“, получающие „ординарию“, т.-е. определенное количество продуктов натурой, а кроме того незначительную денежную плату. В последнее время „ординария“ представляется так: 90 пудов хлебного зерна, участок земли под картофель и огород, две коровы на господском стойле и пастбище, квартира с отоплением. Денежная плата, правда, была очень низка, до войны 50—60 рублей в год, кроме заработка жены и детей. Но собственное хозяйство рабочего давало возможность получать еще доход от продажи поросят, телят, кур, яиц, масла. В последнее время благодаря стачкам плата сильно повышена (около 500 руб-

если дело дойдет до захвата земли, то она достанется не им, а крестьянам. У рабочего нет своего хозяйства, если ему достанется голая земля, нечем будет ее обрабатывать, значит, земля попадет крестьянам, а рабочему некуда будет деваться, придется пропадать совсем.

Вот почему сельский пролетарий в Польше стоит за сохранение крупного производства. Помещиков прогнать надо, но имения нужно сохранить в целости. Если пролетарское государство обеспечит рабочего, то он предпочитает быть хорошо вознагражденным за свой труд пролетарием, чем стать мелким собственником.

Такое разрешение вопроса имеет еще и ту выгодную сторону, что сельско-хозяйственные рабочие охотно согласны снабжать города продовольствием из излишков продуктов, получаемых в имениях, а у крестьян, как показывает пример России, получить хлеб для городов не легко. Вот почему польские коммунисты стоят за программу, при которой помещичья земля должна быть национализирована, но отнюдь не роздана крестьянам.

Но что в таком случае может революция дать крестьянам? Очень многое! Эти крестьяне обременены непосильными податями и задолжены до крайности. Кроме того, деревни находятся в отчаянном положении, так как государство не заботилось о них. Пролетарская

лей), но, конечно, дороговизна ведет к тому, что пользы от этого повышения мало. Если подсчитать, сколько земли необходимо для производства того, что получает рабочий, то оказывается, что нужно от 4 до 5 десятин.

революция освободит крестьян от ига капиталистов-ростовщиков и введет действительное самоуправление, при котором крестьянские советы сумеют позаботиться о благоустройстве деревни. Дальше, у польских крестьян острый недостаток в пастбищах и лесах, и потому они находились в зависимости от помещиков, которые за лес на постройки и дрова на топливо спускали с них шкуру. Если пролетарское государство обеспечит крестьян пользованием лесами и пастбищами, оно разрешит самые жгучие вопросы.

Итак: враги, против которых приходится бороться революционному пролетариату в польской деревне, это — помещики и крестьяне - богачи; активными сторонниками революции являются сельские пролетарии и полупролетарии, которые составляют приблизительно половину сельского населения. Среднее трудовое крестьянство, которое составляет другую половину, несомненно, не революционно, но если революция не посягнет на его собственность, то оно будет нейтрально в революционной борьбе. Добиться этого нейтралитета, убедить крестьян, что они от революции ничего не потеряют, а выиграть могут многое, в этом состоит трудная задача польских коммунистов.

---

2. Польская промышленность.

Обратимся теперь к промышленности.

По степени развития промышленности три части новой Польши значительно больше разнятся между собой, чем в аграрном отношении.

Бывшее Царство Польское широко развило свою промышленность потому, что для нее получился бо-
гатеиший рынок сбыта в России. Зачатки про-
мышленности имелись, конечно, и раньше, но быстрое
развитие начинается со времени устранения таможен-
ной границы между Польшей и Россией в 1859 г.
Способствовал этому развитию наплыв капитала из
Германии. Торговые сношения между Польшей и со-
седней Германией были, конечно, давно, а когда полу-
чился сбыт в Россию, для капиталистов Германии
оказалось выгодным строить фабрики в Польше, где
условия им были хорошо знакомы, и отправлять то-
вары дальше на восток. Притом в Польше рабочие
руки были очень дешевы, так как со времени рас-
крепощения крестьян Наполеоном сельское население
быстро пролетаризировалось. С развитием железных
дорог России в семидесятых годах товарообмен
между Польшей и Россией принял очень крупные
размеры.

В первую очередь развилась до громадных разме-
ров текстильная промышленность Лодзи. Правда, были
крупные „мануфактуры“ и в России, но здесь до
1862 года крепостничество сильно тормозило развитие.
Лодзь же пользовалась с самого начала новейшими
машинами и методами производства, которые немецкие
фабриканты вводили сейчас же после их испытания
в Англии и Германии. Потому эти лодзинские фаб-
рики работали дешевле русских, а товары находили
самый широкий сбыт. Получился истинно „американ-
ский“ темп развития. Фабриканты богатели не по дням,

а по часам, фабрики росли с удивительной быстротой. Конечно, эксплуатация рабочих была самая бесчеловечная. Женский и детский труд применялись в самых широких размерах; рабочий день продолжался 14 часов, а плата была минимальная. Еще в девяностых годах лодзинские ткачи зарабатывали не больше 50 копеек в день. Особенно жалкое существование владели т. н. „ручные ткачи“, т.-е., по русской терминологии, кустари. Их в Лодзи было множество. Это были пришельцы из Германии, главным образом, из Силезии, те самые вечно голодающие бедняки, которых изобразил с таким мастерством Гергард Гауптман в своей драме „Ткачи“. Поселившись в Польше при помощи польского банка еще в начале XIX века, они первое время устроились кое-как. Но потом им пришлось конкурировать с фабриками, а тогда получился истинно каторжный труд: скупщики все понижали цены, и этим кустарям пришлось работать день и ночь вместе со всей семьей, лишь бы заработать самое скудное пропитание.

Лодзь производит, главным образом, хлопчато-бумажные ткани. Хлопок привозили американский через Германию. В девяностых годах прошлого века лодзинские фабриканты приняли участие в развитии хлопкового дела в Средней Азии. Кроме бумажных фабрик развились в Лодзинском районе также шерстяные фабрики.

Льняное производство было меньше развито. Но Жирардовская фабрика (вблизи Варшавы) была одна из крупнейших в России. Большое развитие получило

также чулочное производство в Лодзи, в Жирардове и в Варшаве. Фабрики этой отрасли были отлично поставлены и побивали конкуренцию российских.

Развито было также джутовое дело, а в последнее время быстро возросло производство так называемого „искусственного шелка“, т.-е. волокна, получаемого из хлопка путем химического превращения, которое ему дает внешний вид шелка.

Очень интересны и поучительны с точки зрения хода капиталистического развития проявления конкуренции и соперничества между российской и польской текстильной промышленностью. Дело в том, что Лодзь была поставлена в худшие условия, чем Московский район или Иваново-Вознесенск, в смысле доставки сырья и транспорта готового товара. Американский хлопок в Польшу шел из Бремена по германским железным дорогам, где тариф на провоз был высок. В Москву же или в Иваново-Вознесенск тот же хлопок шел по российским дорогам по пониженному тарифу. Об азиатском хлопке и говорить нечего: транспорт в Лодзь обходился чуть не вдвое дороже, чем в Москву. Готовый товар в средние, восточные и северные губернии или в Азию тоже приходилось Лодзи везти дальше, чем Москве. И все же Лодзь успешно конкурировала с Москвой! Чем же это объяснить? Ошибочно было бы приписывать этот результат лучшему техническому оборудованию лодзинских фабрик. Нет, российские крупные фабрики технически были поставлены хорошо, работали на новых технических машинах.

Если в общем производительность труда в польской

текстильной промышленности была выше, чем в Московской или Иваново-Вознесенской, объясняется это прежде всего составом рабочих. Дело в том, что русский текстильщик до последнего времени еще не совсем порвал связь с деревней: он зимой шел на фабрику, летом обрабатывал землю. В Польше этого нет: рабочие живут неотлучно при фабриках, фабрики круглый год идут полным ходом. При таких условиях интенсивность труда, конечно, выше.

Но, главным образом, Лодзь побеждала на рынке благодаря усовершенствованным методам производства. Вот пример: русские фабрики не использовали отбросов. Их получается чрезвычайно много и в прядильнях и в ткацких; на фабриках накаплиются целые горы. И вот, лодзинские фабриканты покупали эти отбросы московских фабрик, везли их в Лодзь, перерабатывали на ткани и этими тканями били Москву на ее же рынке, несмотря на расходы по транспорту в два конца. Но почему же Москва не перерабатывала этих отбросов? Просто потому, что постановка этого дела несколько хлопотлива, нужны некоторые специальные машины и техническая сноровка; у московских фабрикантов были такие высокие барыши, что им неохота была заниматься этим; в Лодзи же, где вследствие конкуренции пришлось довольствоваться более скромными барышами, дело все еще было выгодно.

Затем большую роль тут играла коммерческая организация. Московские фабриканты и оптовики-миллионеры вели свои дела по-старому: они не очень-то гнались за покупателем: сам, мол, придет. У лодзин-

ских фабрикантов был отлично выработанный торговый аппарат. Тысячи пронырливых лодзинских агентов шныряли по всем концам Российской империи. Это были тонкие знатоки своего дела, мастера на все лады, которые умели продать товар везде и всегда.

О лодзинских товарах знатоки были не особенно высокого мнения. Одно слово „Лодзь“ звучало, как „дрянь“. Но в том-то и дело, что лодзинские фабриканты совершенно сознательно, приспособляясь к условиям рынка, развили широко производство самых дешевых хлопчатобумажных тканей. Конечно, было тут и надувательство, наглый обман: покупатель получал товар на вид солидный, а на деле дрянной. Но ведь эта форма обмана неразрывно связана с капиталистическим „прогрессом“. Производить солидный продукт—это не так трудно; тут ремесло, пожалуй, побивает капиталистическую фабрику. Но производить массами товар не особенно высокого качества, кое-как удовлетворяющий потребность, но производить его дешево, очень дешево—вот цель капиталистического производства. В этом смысле Лодзь достигла высокого совершенства.

Наконец, известную роль играла тут организация кредита. В Польше процентная норма всегда была несколько ниже, чем в России, а банковый кредит был в изобилии. Поэтому лодзинские фабриканты могли ставить покушщикам более выгодные условия (брали долгосрочные векселя) и этим побеждали в конкуренции.

Железная промышленность развивалась в Польше не столь быстро. Она была поставлена в не совсем вы-

годные условия. Правда, заводский район Домброва—Сосновицы, главный очаг этой промышленности, имеет то преимущество, что уголь и железная руда находятся тут же друг возле друга. Притом залежи угля находятся на незначительной глубине, и пласты довольно мощные, так что стоимость добычи не высока. Но уголь этот не особенно высокого качества, а главное его неудобство, — что он не годен для выделки кокса, необходимого для производства стали. Железная руда тоже неважная. По всем заводам в последнее время пришлось привозить высокосортную руду из Донецкого бассейна, а кокс привозили из соседней Силезии.

Несмотря на эти неблагоприятные условия, железная промышленность Польши развивалась успешно. Это уже несомненно объясняется высоким техническим уровнем производства: большое число высоко квалифицированных рабочих и теснейшая связь с соседней германской промышленностью (многие заводы были объединены с силезскими; Верхне-Силезский и Домброво-Сосновицкий районы, собственно говоря, составляют одно целое, разделенное искусственно политической границей) позволяют поставить заводы образцово. Потому этот район мог ставить в последние годы войны целый ряд продуктов для нужд русского рынка, которых русские заводы вообще не в состоянии были производить и которые раньше привозили исключительно из-за границы.

Важнее, однако, то, что в Польше развилась высоко промышленность по обработке железа. Главным цен-

тром здесь являлась Варшава, но и другие города имели довольно развитую в этом направлении промышленность: Лодзь, Ченстохов, Люблин и другие. Производство машин и сельскохозяйственных орудий, постройка мостов, подвижного состава железных дорог, производство аппаратов всякого рода, домашней утвари, производство проволок и гвоздей, — словом, почти все отрасли развивались быстро. Рынком сбыта опять была Россия.

Развивались и другие отрасли промышленности. Кожевенные заводы Польши производили значительно больше, чем требовалось для польского рынка. Высоко была развита фабрикация обуви. Химическая промышленность стала развиваться позднее других отраслей, но в последнее время делала громадные успехи. Обработка дерева, особенно выделка мебели, стояла высоко. Тоже керамическая промышленность.

Не менее важными, чем эти отрасли крупной промышленности, являются отрасли, к которым обыкновенно экономисты относятся не особенно внимательно, потому что в них нет больших заводов и фабрик. Но эта точка зрения далеко не правильна. При высоком уровне промышленности в стране непременно развивается именно множество средних промышленных заведений, которые являются последними разветвлениями обрабатывающей промышленности, производят все то бесчисленное количество предметов потребления, которыми снабжается население. Туда можно отнести выделку готового платья и белья, производство домашней утвари, начиная от щетки, кончая раз-

ными безделушками, все эти пуговики, кнопки и т. д., и т. д.

И вот, все эти отрасли, в которых, правда, нет крупных фабрик и заводов, но в которых в общем работает очень большое количество и отчасти высококвалифицированных рабочих, развились широко в Польше.

Отношение между промышленностью России и Польши характеризуется именно развитием, которое повело к тому, что Польша являлась очагом этой чрезвычайно разнообразной обрабатывающей промышленности.

Тут создавалась тесная связь, было разделение труда. Вот пример: Польше далеко не хватало собственно железа. Она привозила из России и рельсы и железо для построек; но когда в Брянском или Сормовском заводе делали котел, то арматуру для него привозили из Варшавы. Если в Польше строили сукодную фабрику, то рассчитывали на шерсть из России, но если в России строили сукодную фабрику, то многие машины и аппараты привозили если не из-за границы, то из Варшавы. Следует также обратить внимание на то, что с момента, когда была порвана связь с Польшей, в русских городах стал очень чувствителен недостаток всех тех мелочей для домашнего обихода, к которым мы привыкли: русская промышленность к этим изделиям еще не приспособилась, поставщиком была в значительной степени Польша.

Промышленный рабочий Польши, как я заметил, давно уже порвал связь с деревней в том смысле, что, раз поступивши на работу в городе, он в деревню уже не возвращается. Конечно, значительная часть фаб-

рично-заводских рабочих происходит из крестьян и сельских рабочих, но очень значительно также число тех, которые вышли из ремесленной среды, из мелкого мещанства. Это происхождение не может, конечно, не отразиться на психике всего класса. Всегда люди городского происхождения берут верх над уроженцами деревни, они „задают тон“ в рабочей среде. Но таким образом этот ремесленный элемент сильно сказывается у польских рабочих, и в этом отношении они стоят, пожалуй, ближе к германским рабочим, чем к русским. Нет у них той „прямолинейности“ и той решительности, которая отличает русский пролетариат, вышедший в громадном большинстве из крестьянской среды, притом из русской крестьянской среды, которая ведь во всех отношениях иная, чем западно-европейская. Польский рабочий, пожалуй,— „культурнее“ русского в том смысле, что он с детства привык к городской обстановке, „видел все виды“, стер с себя давно все „мужицкое“, но у него осталось много еще из психологии мещанской.

С другой, однако же, стороны, царский режим сделал свое. Тяжелая борьба против полицейских притеснений, навык к конспиративной деятельности, все то, что придавало борьбе с капиталом в России особенный, героический оттенок, сказалось и на польском рабочем и сильно сближает его с русским. Кроме того на польского рабочего действует также традиция вооруженных восстаний. Ведь в восстании 1863 г. принимали особенно активное участие ремесленники польских городов. Деда и отцы сегодняшних фабричных

рабочих Варшавы были в рядах повстанцев, и молодое поколение с детства слышало рассказы о подвигах и жертвах. Это не могло не отразиться на рабочем движении. Особенно это сказалось в том отношении, что так называемый „экономизм“ никогда не был распространен в Польше: эти сыновья повстанцев легко усваивали сознание, что политическая борьба необходима. Правда, эти традиции действовали также в смысле национализма. Но борьба с капиталом слишком давала себя чувствовать, и социалистическое, марксистское мировоззрение все же одержало верх. Это сказалось особенно резко в 1905 году, когда началось революционное движение в России: рабочие Польши, несмотря на усиленную пропаганду националистов, не пошли по пути сепаратизма, а стали плечом к плечу с пролетариатом всей России в борьбе против абсолютизма и против капитала.

Численность рабочих в промышленности и торговле установить довольно трудно. Статистика фабрично-заводской инспекции не обнимала ни рабочих мелких фабрик и торговых предприятий, ни рабочих транспорта, ни городских предприятий. Потому цифра около 350.000, приводимая в последние годы до войны этой статистикой, далеко не отвечает истине. Чтобы определить число рабочих, число пролетариев, по своему социальному положению являющихся опорой революции, нужно это число больше чем удвоить. В самом деле: население бывшего Царства Польского достигало в 1914 г. тринадцати миллионов. Из этого числа почти 3 миллиона жило в городах. Нет сомне-

ния, что в польских городах рабочие составляют по крайней мере три четверти населения, т.-е. с семьями рабочее население составляет около $2\frac{1}{4}$ миллиона. Так как женский труд очень распространен, то число рабочих и работниц достигает, исключая детей и стариков, вероятно, цифры от 750.000 до 800.000.

Последствия империалистической войны подействовали самым роковым образом на промышленность Польши и ее рабочий класс. Во время военных действий были разрушены многие города, и заводы и фабрики были взорваны или сожжены (от Жирардовской мануфактуры, где работало до 10.000 рабочих, остались одни развалины). Кроме того многие промышленные заведения были эвакуированы в Россию, а те, которые остались, стали жертвой немецкого хищения. Немецкие власти увозили все сырье и суровье, машины, приводные ремни и трансмиссии,—словом, все, что только могло понадобиться для поддержания немецкой промышленности. Рабочих отчасти эвакуировали в Россию, а потом немцы гнали рабочих в Германию, заставляя их работать в рудниках и на амуниционных заводах. Со времени образования польского государства едва малая часть промышленности была установлена, и рабочие, возвращающиеся на родину, не находят заработка. Польский пролетариат сегодня нищенствует и не может проявить своей революционной силы.

Промышленность в польских землях, принадлежавших Пруссии, имеет совершенно иной характер.

Верхняя Силезия, в которой должен еще произойти

плебисцит, и которую посему нельзя еще причислить к Польше, составляет один сплошной заводский район. Рабочие здесь почти исключительно поляки по национальности. Среди них в последнее время чрезвычайно сильно революционное движение, и если этот район будет присоединен к Польше, — революционный элемент чрезвычайно усилится.

В провинциях же Познани „Западная Пруссия“ промышленность развита слабо. Эти провинции снабжались промышленностью Германии, в них нет сколько-нибудь серьезной текстильной промышленности. Развились только отрасли промышленности, связанные сельским хозяйством: сахарные, винокуренные, крахмальные заводы и т. п.

Крупной промышленности нет, и излишек „рабочих рук“ эти провинции всегда посылали в германские центры (в одном только Рейнско-Вестфальском промышленном районе живет около 300.000 польских рабочих, в Берлине до 800.000, в Гамбурге, Бремене и других крупных городах также насчитывают десятки тысяч польских рабочих). Но все же в этих провинциях число рабочих очень значительно. Работают они в мелких фабриках, железнодорожных мастерских, торговых предприятиях. При отсутствии крупной промышленности не могло широко развиться рабочее движение, но война сделала свое: весь этот рабочий люд быстро приходит к классовой сознательности.

Галиция представляет опять иное положение. Здесь имеются налицо все условия промышленного развития в будущем, ибо страна чрезвычайно богата ми-

неральными средствами. Имеются и уголь, и железо, и медь, и нефть. Кроме того, горные реки и ручьи могут доставить неисчислимое количество электрической энергии. Но сейчас эти условия использованы в ничтожной мере. Крупная промышленность находится в зачаточном состоянии. Потому рабочее движение здесь развилось слабо. Галицийская социал-демократическая партия, которая во время австрийского господства сумела привлечь на свою сторону элементы, находящиеся в оппозиции к правительству, пропитана мещанским духом и в новой Польше является оплотом социал-предательства. Однако, это галицийское болото встряхнули война и революция. Среди рабочих масс в нефтяном и угольном районе сильно нарастает коммунистическое движение.

---

3. Еврейский вопрос.

Говоря о социальных условиях Польши, нельзя не вспомнить об еврейском вопросе.

Евреи составляют около 14% всего населения в б. Царстве Польском, около 15% в Галиции; в бывших германских провинциях их значительно меньше: не больше 4% всего населения.

Очень часто думают, что евреи занимаются исключительно торговлей, но это совершенно ложный взгляд. Было бы невероятно, чтобы те несколько миллионов евреев, которые живут в польских землях, занимались

исключительно торговлей. Нет, мы находим среди них очень большое количество рабочих.

Для 6. Царства Польского перепись 1897 г. дает такие цифры: из всей массы еврейского населения в 1.267.000 душ находили содержание в торговле 39%, в промышленности 58%, остальные распределялись на т. н. „вольные профессии“, домашнюю прислугу и т. п. Значит, больше $\frac{1}{3}$ евреев причисляется к промышленному населению.

Дело только в том, что громадное большинство их составляют мелкие ремесленники, а фабричных рабочих очень мало. Объясняется это тем, что среди польского еврейства еще очень сильна приверженность к еврейской религии. Громадное большинство евреев строго исполняет обряды своей религии, а одним из основных обрядов является безусловное празднование субботы. Празднование начинается в пятницу с закатом солнца и продолжается до того же момента в субботу. Таким образом в нашем климате в продолжение полугода, когда солнце заходит рано, пропадают два рабочих дня. Вот почему на фабриках и заводах совместная работа евреев и христиан невозможна: половину пятницы и субботу не будут работать евреи, а в воскресенье—христиане.

Если таким образом евреи лишены возможности работать в крупной промышленности, то им остается одно: работа в кустарной промышленности, т. н. „мануфактурах“, то, что в Англии называют „системой выжимания последнего пота“. Есть целые отрасли труда—изготовление готового платья и белья, галан-

тери, выделка мелких металлических изделий и т. п., в которых работают почти исключительно евреи. Условия труда тут просто нечеловеческие. Трудно отыскать во всем капиталистическом мире пролетариев более эксплуатируемых.

Ремесленники тоже бедствуют ужасно. Капиталистическое развитие вырывает у них почву из-под ног и они живут впроголодь.

Но не лучше положение массы мелких торговцев-лавочников. В польских городишках вы найдете множество еврейских лавочек, в которых товара наберется всего на несколько десятков рублей, дневные обороты доставляют едва пару рублей, а доход хозяина приходится рассчитывать на копейки. На эти копейки живет вся семья. Как она живет, — одному Аллаху известно! Это не жизнь, а прозябание. И опять капиталистическое развитие устраняет почву для этой формы первобытной торговли. Вот почему эти еврейские массы Польши живут в самых ужасных экономических условиях.

С другой стороны, капиталистическая буржуазия Польши состоит в значительной части из евреев. Многие крупные фабрики, почти вся оптовая торговля и почти все банки находятся в руках еврейских дельцов, в розничной торговле евреи являются в большинстве и, наконец, домовладельцами в городах опять являются преимущественно евреи.

И вот с тех пор, как помещичий класс поляков после крестьянской реформы хлынул в города, когда потомки обанкротившихся шляхтичей стали приспо-

собляться к торговле и промышленности, завязалась бешеная борьба между мелкой буржуазией еврейской и польской.

Вот где источник польского антисемитизма.

Конечно, эта экономическая подоплека прикрывается идеологией национальной. Польское мещанство ведет бешеную кампанию против евреев; еврейское мещанство отстаивает свои интересы и проповедует сионизм и всякую другую реакционную ерунду.

Эта крикливая агитация, конечно, действует и на темные рабочие массы, разжигаются до белого каления национальные и религиозные страсти, и „еврейский вопрос“ является одной из острых болезней, отравляющих общественную жизнь Польши.

Заключение.

Из всего сказанного следует сделать прежде всего вывод, что, в виду экономических и социальных условий Польши, революционное движение в этой стране не может принять тождественно тех самых форм, которые оно приняло в России. Уже тот факт, что в Польше мы имеем дело с крестьянами-собственниками, которым чужды революционные стремления, имеет громадное значение. Если русская революция победила сравнительно легко, то это объясняется в значительной степени тем, что она нашла поддержку у крестьян; в Польше же крестьянская масса явля-

ется в значительной части элементом, враждебно настроенным против революции. Но, с другой стороны, в Польше многочислен класс сельских пролетариев, батраков, которого в Великороссии почти нет, и этот пролетариат стоит плечом к плечу с городским рабочим. Ясно, что поэтому аграрная революция примет другие формы, чем она приняла в России.

Вообще, польские общественные отношения гораздо ближе подходят к западно-европейским, чем к российским, и необходимо русским товарищам отвыкнуть от того, чтобы на Польшу смотреть исключительно, как на часть бывшей Российской империи.

Как во всей Западной Европе, так и в Польше революционная борьба будет несомненно тяжелее, ожесточеннее, чем в России. Вдобавок условия складываются так, что революция в Польше в очень значительной степени зависит от развития революционного движения у западных соседей — в Германии и Чехии, а не исключительно от России. Но, конечно, польский господствующий буржуазный класс отлично сознает, что ему угрожает, и именно потому с таким рвением бросился в войну против пролетарской России. Но именно в этой войне и решится его судьба. Польская армия, военщина, созданная в новой Польше, является последним оплотом капиталистического господства. Защищая Советскую Россию, Красная армия разобьет эту польскую белую армию, и только тогда пролетариям Польши возможно будет поднять свой красный стяг, освободить свою родину от капиталистических угнетателей.

LIBRARY
OF THE
MUSEUM OF
ART AND HISTORY
NEW YORK

316984

Цена 8 руб.

3

Мет
5 Р.
и 58

Указанная на книге цена никем
не может быть повышена.
Государств. Издательство.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ♦ 1920

Biblioteka Główna UMK

300045259326

Biblioteka
UMK
Toruń

Cimelia
316984

Biblioteka Główna UMK

300045259326